

**Коммуникативная специфика музыкального языка:
жизнетворчество С.В. Рахманинова**

Аннотация

Гениальный русский композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов в апреле 1900 г. в Ялте преодолел творческий кризис. Любовь к природе (особенно весенней) в музыке и апрельские события в жизни рассмотрены в рамках эпистолярного наследия.

Ключевые слова: С.В. Рахманинов, природа, весна, Апрель, письма, Ялта.

Annotation

The greatest Russian composer, piano-player and music-director S. Rachmaninoff gained victory over creative crisis in April 1900 in Yalta. The liking for nature (special springtime) in music and April's eventful in the life research in the epistolarity.

Key words: S. Rachmaninoff, nature, springtime, April, letters, Yalta.

В тематике конференции и названии нижеследующего текста представляется интересным соотношением разноуровневых концептов («точек схождения» смыслов). Их («точек») сопряжение рассматривается в «жизнетворчестве» (Л.С. Выготский) Сергея Васильевича Рахманинова (1873, Новгородская губерния, Россия — 1943, Калифорния, США), ограничиваемом здесь анализом эпистолярного наследия гениального композитора, дирижера, пианиста и раскрывающегося в письмах незауряднейшего человека его:

- гражданская позиция («... я не считаю возможным отречься от своей родины и стать при существующей в мире ситуации гражданином Соединенных Штатов» [3, с. 186, письмо 678 от 28.01.1926 г.], — из ответа на письмо [3, с. 462-463] Натаниэля Филлипса, президента Лиги за американизацию граждан);

- абсолютно точные — проверенные временем — оценки уровня культуры («В настоящее время, — из письма от 22.03.1932г. [там же, с. 326, п.886] хоровому дирижеру, регенту, композитору, педагогу Павлу Григорьевичу Чеснокову, — во всех странах, во всем мире депрессия ... во всех отраслях искусства. Мало кто интересуется серьезным музыкальным произведением — в спросах только танцевальная музыка. Мало кому нужна серьезная научная книга («Хор и управление им», издана впервые в СССР в 1940 г. — И.Б.) — распродаются только детективные романы. Художники расписывают декорации для легких комедий и музыкальных опереток и т.д., и т.д.»); или: «По моему мнению, Европа страдает заразной манией какофонии, представленной в произведениях ультра-современных композиторов», — из интервью в Филадельфии в мае 1923 г. «Как работают русские студенты» [2, с. 90-92]);

- многолетняя непафосная помощь нуждающимся: от

непременного участия в благотворительных концертах («Согласно старому и священному обычаю Рахманинов впервые исполнил свои фортепианные пьесы на "Тюремных благотворительных концертах" княжны Ливен» [5, с. 175-176]), на «нужды армии» в Первую мировую войну ([3, с. 92-93, письма 548-551]) и, особо подчеркнём, Великую Отечественную ([см. подробнее: 1, с. 34-36], потому что: «Это единственный путь, каким я могу выразить мое сочувствие страданиям народа моей родной земли за последние несколько месяцев» [4, с.195, п. 1241 от 19.11.1941 г.] до денежных переводов и посылок ([см. подробнее: 2, с. 31-32 о сохранившемся в архиве списке учреждений и фамилий педагогов, артистов, писателей — адресатов продуктовых посылок в 1922 г.]; также: «... позавчера получил я опять посылку из Америки, — пишет в 1923 году Никита Семенович Морозов (1864-1925), профессор Московской консерватории, теоретик, близкий друг композитора, — и при выдаче мне сказали, что это от Рахманинова из Нью-Йорка» [3, с. 441], или: «... мне становится очень неловко получать вспомоществование, тем более, что при получении в банке я слышал, что "пол-Москвы получает от Рахманинова". Сколько же тебе приходится высылать сюда?!» [там же, с. 442]; также: благодарные письма от К.Д. Бальмонта [4, с. 399-400, 404-405], И. Северянина [там же, с. 406, с. 418-419, с. 420-421], А.И. Куприна [там же, с. 408] и других);

- семейные ценности — отношение к жене Наталии Александровне, дочерям Ирине и Татьяне (которые «... как выражается Наташа ... делают со мной все, что хотят, а я этого, если это только правда, не чувствую...» [3, с.140, п. 610]) и их мужьям, внучке и внуку («Я заговорил об обожаемых им внуках, и его лицо озарилось» [2, с. 136]), сыновьи обязанности;

- безграничная любовь к музыке, которой «... хватит на всю жизнь, но целой жизни не хватит для музыки» [там же], или:

«Что такое музыка?!

Это тихая лунная ночь;

Это шелест живых листьев;

Это отдаленный вечерний звон;

Это то, что родится от сердца и идет к сердцу;

Это любовь!..» [3, с. 343, п. 916].

Каждый из вышеперечисленных пунктов может стать развернутой темой отдельного исследования. Однако, «Апрельская» Ялта — *исходная точка* и *ракурс* «перечитывания» его (и к нему) писем, позволяющие подчеркнуть особое значение этого месяца в жизнетворчестве композитора. *Исходная точка* — общеизвестный факт пребывания С.В. Рахманинова в Ялте в 1900 году по приглашению упоминаемой выше Александры Андреевны Ливен и *преодоления* творческого кризиса [см. подробнее: 6, с. 305-306], вызванного исполнением Первой симфонии и много позже (в апреле 1917 г.) охарактеризованного так: «После этой Симфонии не сочинял ничего около трех лет. Был подобен человеку, которого хватил удар и у которого на долгое время отнялись и голова, и руки... Симфонию не покажу и

в завещании наложу запрет...» [3, с. 101, п. 552]. Апрельское «возвращение» к сочинению — Вторая сюита (Romance и Tarantelle; Introduction и Valse — декабрь 1900 г.) для 2-х фортепиано (opus 17) и замысел без преувеличения всемирно известного фортепианного концерта с оркестром №2 (opus 18), законченного (к теме) в апреле 1901 г. [там же, с.97]. Слушательская и исполнительская востребованность этого произведения, обеспечивающая его «жизнь» до сегодняшнего дня, раскрывается в книге «Духовный анализ музыки» [см.: 1] профессора Московской консерватории В.В. Медушевского (специально подчеркнем: в разделе «Откровения музыки Рахманинова» третьего параграфа «Чудо русского XIX века. Заветы Глинки» четвертой главы «Православная цивилизация: музыка России»): композитор «...не отступил ни на йоту от идеала Божественной красоты. Не сделал ни единой уступки "духу времени", оставшись верным духу вечности. И тем победил мир. <...> А музыка гения живет и всё полнее раскрывает свою красоту» [1, с. 341]; «Потому и начинается Рахманинов концерт необычным образом. Выражением... онтологической направленности русской культуры — становится воспроизведение колокольного звона... <...> Русский колокол, освящаемый специальным богослужбным чином, несет в себе теоцентрическую семантику: общение через его звуки развертывается не в направлении от человека к Богу, а от Бога к народам» [там же, с. 346]; «Так музыка гения становится вещим словом правды о России и мире» [там же, с. 353]. В данном разделе проанализированы: Третий концерт («Рахманинов с силой выразил онтологическую направленность цивилизации... <...> Музыка, как таинственное богословие, охватывает собой все» [там же, с. 354]); Прелюдия cis-moll («... содержанием которой стал онтологический контраст, выявивший непредставимый масштаб мысли 19-летнего композитора» [там же, с. 355]; см. также интервью «Моя прелюдия cis-moll», опубликованное в Нью-Йорке в 1910 г. [2, с.62-65]) и знаменитый "Вокализ" («Для онтологического русского слуха это ... Небо аккомпанирует душе, а душа внимает ободрениям Неба...» [1, с. 353]), посвященный Антонине Васильевне Неждановой, сохранившей в своем архиве рукопись первоначального варианта с датой «1 апреля 1915» [3, с. 390]. Заметим, что в заранее подобранных и перечисленных выше цитатах непреднамеренно высветился акцент на слове «онтологический», которое — в смысловом контексте книги В.В. Медушевского — выявляет сущностную силу музыки и её значение для духовной жизни человека.

Из предыдущего абзаца очевидно: задуманный в весенней Ялте и воплощенный в верифицированный Временем грандиознейший шедевр фортепианной музыки Второй концерт стал поводом к аналитическому ракурсу эпистолярного наследия, выявившему, в определенном смысле, судьбоносный характер данного месяца. В **апреле**: 1902 года С.В. Рахманинов венчался с Наталией Александровной «на всю оставшуюся жизнь» [2, с. 569, комментарии к письму 198]; 1904 года дал согласие на дирижерскую деятельность в Большом театре [2, с. 579, коммент. к письму 239]; 1910 года участвовал в обсуждении нового Устава консерваторий

(Санкт-Петербургской и Московской) Императорского Русского Музыкального Общества в качестве помощника его главы принцессы Е.Г. Саксен-Альтенбургской, который утвердили 1 апреля 1912 г. [см. подробнее: 3, с.391, коммент. к письму 462], закрепив, таким образом, фундамент русской музыкальной педагогики; 1938 года пережил тяжелейшую утрату — смерть Федора Ивановича Шаляпина. Дружба двух гениев отечественной культуры началась в 1896 году совместной работой в «Русской частной опере» Саввы Ивановича Мамонтова [2, с. 55; 137; 488; 497; 538]... И, наконец, Сергей Васильевич родился 2 апреля 1873 года и ушел в мир иной в канун своего семидесятилетия (28 марта), успев получить поздравительные телеграммы из СССР [см. подробнее: 4, с.393].

С необходимостью подчеркнем, что задача «механического» вычленения «апрельских» писем — в целом — не ставилась, в том числе — в связи с неполнотой эпистолярия композитора: документы, хранящиеся в России ([2, с.46-47], хотя дореволюционный архив не уцелел); «судьба» писем к дочерям и супруге [см. подробнее: там же, с. 43]; периодически «всплывающие» письма на аукционах... Однако, открытие зарубежного архива (Библиотека Конгресса США) по завещанию наследников в год 100-летия со дня рождения Сергея Васильевича и его привычка аккуратно отвечать адресатам позволяют проследить лейтмотив любви к природе, особенно — весенней, воплощенный ("озвученный") в творчестве. «Погода у нас чудная. Как раз сейчас всё цветёт: яблони, груши, терн, черемуха. "Как молоком облитые стоят сады вишнёвые". Сирень зацветёт на днях» [3, с. 68, п. 500] — это письмо из имения Ивановка Тамбовской губернии, а цитата о «садах вишнёвых» — из стихотворения Н.А. Некрасова «Зелёный шум», ставшего поэтической основой кантаты «Весна» (opus 20) для баритона, смешанного хора и оркестра. Ивановке посвящен отдельный фрагмент «Воспоминаний» композитора (18 машинописных страниц, хранящихся в БК США [см. подробнее: 2, с. 487-490], рассматриваемых на правах рукописи): «Надо ли описывать вам это имение? Никаких природных красот, к которым обыкновенно причисляют горы, пропасти, моря, — там не было. Имение это было степное, а степь — это то же море, без конца и края, где вместо воды сплошные поля пшеницы, овса и т.д., от горизонта до горизонта. Часто хвалят морской воздух, но если бы вы знали насколько лучше степной воздух с его ароматом земли и всего растущего, и не качает. Был в этом имении большой парк, насаженный руками, в мое время уже пятидесятилетний. Были большие фруктовые сады и большое озеро. ...я очень увлекался ведением хозяйства. <...> улучшал и управление, и живой инвентарь (около 100 лошадей. — И.Б.), и машины. У нас были и сноповязалки, и косилки, и сеялки...» [2, с. 52-53]. Там же речь идет о покупке «сильного американского трактора» («я дошел до своего предела мечты») к осенним работам 1914 года: «Трактора этого я так и не увидел никогда. В августе началась война...» [там же, с. 53]. В данном контексте, на наш взгляд, уместна еще одна цитата из этого же фрагмента «Воспоминаний»: «В каждом русском есть тяга к земле, больше, чем у какой-либо другой нации. <...> ... в мыслях русских людей о земле есть какое-то

стремление к покою, к тишине, к любованию природой, среди которой он живет...» [там же, с. 52].

Глубинно присущая композитору способность к «*любованию природой*» опредмечивалась, *во-первых*, «страстью» к лошадям («Он ездил верхом, скакал, как заправский наездник, и находил большое удовлетворение, тренируя необъезженных коней. Каждую свободную минуту... проводил в полях. Едва ли кто-нибудь из встречаемых, видя, как он с трудом вышагивает по свежей борозде за плугом, мог вообразить, что высокий фермер в сапогах для верховой езды в просторной рабочей рубахе... — величайший музыкант своего времени» [5, с. 160]) и автомобилям (из Ивановки 1913 г.: «Я... уже два месяца целыми днями работаю. Когда работа делается совсем не по силам, сажусь в автомобиль и лечу верст за пятьдесят отсюда, на простор... Вдыхаю... воздух и благословляю свободу и голубые небеса» [3, с. 61, письмо 487]; или: фрагмент "заманивающего" в гости письма Ф.И. Шаляпина из Франции С.В. Рахманинову в Швейцарию: «... возьми твой "Линкольн", усади в него Наталью Алекс., Танюшу, Ирину... и приезжай сюда. <...>... прогулки кругом очаровательные, и горы, и долины, и реки, и даже озёра, зелени — море! <...> Бери мотор и айда!» [4, с. 416, письмо 19]).

Во-вторых, «озвучена» в циклах романсов, «Шести стихотворениях для голоса с ф-но», «Шести хорах для женских или детских голосов с ф-но» (opus'ы: 4, 8, 14, 15, 21, 26, 34, 38 — все до отъезда за границу), т.е. поэтические образы природы «перевоплотились» в музыкальные: «Утро», «Смеркалось», «В молчаньи ночи тайной», «Эти летние ночи», «Сумерки», «Уж ты, нива моя», «Буря», «Островок», «Ночью в саду у меня», «Маргаритки», «Ночка», «Задремали волны», «Сосна», особенно — к нашей теме — широко известные романсы «Весенние воды» и «Сирень». Литературный «первотолчок» — вербализованное любование природой в стихотворениях А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, К.Д. Бальмонта, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского и др. В творческом наследии С.В. Рахманинова есть и несказуемое (т.е. не-словесное, в музыковедческом плане — чисто инструментальное) отражение природы, к примеру, в «Этюдах-картинах» для ф-но (opus'ы 33 и 34), «Симонических танцах» (opus 45), трёх симфониях, четырёх фортепианных концертах и других произведениях, а также авторские транскрипции для фортепиано романсов «Сирень» и «Маргаритки» (т.е. композитор «перевёл» музыкально-поэтические образы в чисто инструментальные).

Отметим, что Сергей Васильевич, выросший на новгородской и тамбовской земле, «замечал» природные красоты Европы и Америки, описания которых «рассыпаны» в письмах зарубежного периода. Однако, с необходимостью подчеркнем следующее: на нашем полуострове С.В. Рахманинов впервые побывал *осенью* 1898 года (письмо А.П. Чехову от 20 сентября [2, с. 280, п. 133, коммент. на с. 546]) и, позднее, отметил: «Незадолго до этого времени я был болен и даже в Крым ездил поправиться немного. Теперь я живу в деревне (имение «Путятино», Владимирская губерния. — И.Б.). <...> Я еще *ничего* (выд.нами. — И.Б.) не написал...» [2, с. 282, п. 136].

Полное «выздоровление» для творческой жизни произошло на Южном берегу, красивом в любое время года, но — *весеннем*, невероятно красочном (в сравнении с природой Валдайской возвышенности и Тамбовской равнины) и стало «исходной точкой» вышеизложенного текста.

Крымская «страница» закрыла отечественный период жизнетворчества всемирно известного гения русской музыки: последнее "до-заграничное" письмо (№556) от 26 августа 1917 г. адресовано Софье Александровне Сатиной ([3, с. 104] сестре жены, собирательнице и систематизатору архива композитора) из Симеиза и единственное (в концертном сезоне 1917/1918 годов) выступление на родине состоялось в Ялте 5 сентября 1917 года [там же, с. 415].

И в заключение, соблюдая «эпистолярный» замысел, цитата из письма (от 6.12.1929 г.) гениального русского философа Ивана Александровича Ильина: «Дорогой Сергей Васильевич! Я вернулся вчера домой потрясенный до глубины души. Хотел написать вам сейчас же, но где же было взять слова? Какие звуки! ... Хотелось спросить — да неужели это возможно? Неужели мне когда-нибудь удастся найти слова, чтобы написать о Вашей музыке?» [цит.по: 1, с. 342].

Литература

1. Медушевский В.В. Духовный анализ музыки/ В.В. Медушевский. — Учебное пособие в двух частях. — М.: Композитор, 2014. — 632 с., нотн. пр.
2. Рахманинов С.В. Литературное наследие в трёх томах/ С. Рахманинов. — Составитель-редактор, автор вступительной статьи, комментариев, указателей З.А. Апетян. — Том 1. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. — М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1978. - 648 с.
3. Рахманинов С.В. Литературное наследие в трёх томах/ С. Рахманинов. — Составитель-редактор, автор вступительной статьи, комментариев, указателей З.А. Апетян. — Том 2. Письма. — М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1980. — 583 с.
4. Рахманинов С.В. Литературное наследие в трёх томах/ С. Рахманинов. — Составитель-редактор, автор вступительной статьи, комментариев, указателей З.А. Апетян. — Том 3. Письма. - М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1980. — 576 с.
5. Рахманинов С.В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном/ Сергей Рахманинов. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 320 с.
6. Бобовникова И.А. Музыкальный «рельеф» в культурных ландшафтах Крыма/ И.А. Бобовникова// Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография.- Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — С. 299-310.

Бобовникова Ирина Антоновна, старший преподаватель кафедры культурологии философского факультета Таврической академии КФУ имени В.И. Вернадского.